

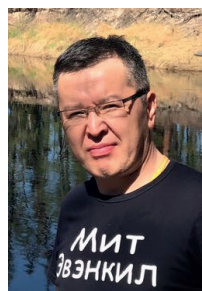
Религиоведение. 2021. № 2. С. 17–27.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 2. P. 17–27.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.2.17-27

Варламов А.Н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН;
677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1
ataki2006@yandex.ru*

История сосуществования религий и перспективы мировоззренческих традиций в эвенкийском обществе

Аннотация. Публикация посвящена взаимодействию религий в истории эвенкийского общества, начиная с эпохи освоения Сибири Российской империей. Рассматривается процесс христианизации различных групп эвенков, в среде которых распространение степени влияния новой религии существенно отличалось. Привлекаются сведения документальных источников и примеры текстов устного народного творчества эвенков, позволяющие обозначить причины формального статуса христианской религии в среде многих эвенкийских групп. Приводятся сведения об истории проникновения буддизма в среду эвенков Забайкалья, что связывается с приобретением этнографических традиций скотоводства в тесной культурной взаимосвязи с монгольскими группами и родами. Приводятся документальные статистические сведения о распространении буддизма в Забайкальском регионе. Анализ привлечённых документальных и фольклорных источников демонстрирует высокую степень сохранности и социального влияния эвенкийского шаманизма в начале XX в. Обозначаются причины утраты традиций эвенкийского шаманизма, основными из которых являются репрессивная государственная политика в 30–40-е гг. XX в. и деградация культурных и этнографических традиций этноса во второй половине XX в. Представлена специфика мировоззренческих и религиозных предпочтений в современном эвенкийском обществе, характеризующаяся сосуществованием атеистических, христианских, буддистских и языческих (шаманских) воззрений. В завершение анализируются перспективы эвенкийского шаманизма, которые связываются с возможной сменой морально-нравственных общественных норм человеческого общества в сторону экологического мышления, свойственного миноритарным этносам Сибири. По мнению автора, в культуре эвенков, как и других коренных этносов Сибири, предстоит трансформация востребованных языческих традиций в процессе их адаптации к объективным условиям эпохи глобализации.

Ключевые слова: эвенки, шаманизм, христианство в Сибири, буддизм в Забайкалье, ноосфера, трансформация этнического мировоззрения

Alexander N. Varlamov

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of SB RAS
1 Petrovskogo str., Yakutsk, 677007, Russia
ataki2006@yandex.ru*

The History of the Coexistence of Religions and the Prospects for Worldview Traditions in Evenki Society

Abstract. The publication deals with the interaction of religions in the Evenki society since the 17th century. The author considers the process of Christianization of various Evenki groups, among whom the spread of the influence of the new religion was significantly different. The reasons for the formal status of the Christian religion among the majority of Evenki groups are outlined. Information about the history of the penetration of Buddhism into the environment of the Evenks of Transbaikalia is given, which is associated with the acquisition of ethnographic traditions of cattle breeding in close cultural relationships with Mongolian groups and clans. The reasons for the loss of the traditions of Evenki shamanism, associated with the repressive state policy in the 1930–40s, are indicated and the degradation of the cultural traditions of the ethnos in the second half of the 20th century. The article presents a picture of worldview and religious preferences in modern Evenki society, characterized by the coexistence of atheistic, Christian, Buddhist, and pagan (shamanic) views. The perspectives of Evenki shamanism are analyzed, which are associated with the probable change in the moral and ethical social norms of human society towards the ecological thinking characteristic of the minority ethnic groups of Siberia. According to the author, it is expected that there will be a transformation of the demanded pagan traditions in the process of their adaptation to the objective conditions of the era of globalization.

Key words: Evenki, shamanism, Christianity in Siberia, Buddhism in Transbaikalia, noosphere, transformation of ethnic worldview

Введение

Длительное историческое время шаманизм в среде эвенков был традиционным и повсеместно распространённым культурным явлением – практически все группы таёжных охотников и оленеводов до эпохи позднего средневековья оставались приверженцами шаманской веры. Исторически эвенкийский шаман сосредотачивал свою деятельность на внутриродовой функции, сохраняя хозяйственную удачу, физическое и духовное здоровье членов рода, а также помогая в военном противоборстве на межродовом и межплеменном уровне. По причине высокой функциональности шаманизма позиции этого древнего языческого культа в среде эвенков всегда были достаточно прочными. До конца XIX в. шаманы имелись в каждом крупном роде у подавляющего большинства групп эвенков, за исключением конных эвенков Забайкалья, где с конца XVII – начала XVIII вв. получили распространение христианство и буддизм. Обратимся к истории взаимодействия религиозных традиций в среде эвенков, начиная со времени освоения Сибири Российской империей.

История распространения христианства у эвенкийских групп

В процессе освоения Сибири для усиления геополитического влияния царское правительство приняло решение о массовом распространении христианства, и к концу XIX в. христианизации в той или иной мере подверглись практически все группы эвенков. По данным переписи 1897 г. из общего числа эвенков, эвенов и орочонов христианами было записано 82%, буддистами – 14,9%, язычниками – 3,1% [Патканов, 1906, 17]. Подобное соотношение прослеживается и по локальным документальным источникам. Так, по данным Баргузинской инородной управы, к 1892 г. почти все эвенки были крещены [ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9]. От полицейских управлений для руководства краёв и областей требовалась ежегодная подача сведений о числе инородцев, принявших святое крещение [ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 5. Л. 59].

Наибольшее распространение христианство получило в среде конных эвенков Забайкалья. Часть конных эвенков интегрировалась в христианство сознательно, чему способствовала территориально-культурная общность с русским населением в среде забайкальского казачества. Первыми эвенками, принявшими христианство в 1684 г., были предводитель нерчинских эвенков – князь Гантимур со старшим сыном Катанаем [Бантыш-Каменский, 1882, 14]. Согласно Табелю о народочисленности Нерчинского округа ведомства Урульгинской Степной Думы за 1829 г., принадлежность эвенков к той или иной религии и типу хозяйствования характеризовалась следующим образом: «Земльдѣльцов» – 896 мужчин и 804 женщины; «Християнь кочевыхъ» – 1385 мужчин и 1132 женщины; «Инородцовъ кочевыхъ» – 3670 мужчин и 3234 женщины; «Християнь бродячихъ» – 16 мужчин и 8 женщин; «Инородцовъ бродячихъ» – 109 мужчин и 113 женщин» [ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Лл. 21–26]. Как видим, в нач. XIX в. даже в самой «христианизированной» группе конных эвенков Забайкалья приверженцы традиционных эвенкийских воззрений и кочевого хозяйства составляли значительное число.

Некоторые группы эвенков вполне сознательно принимали новую веру, воспринимая крещение как некий обряд, необходимый в условиях нового времени. При этом этот обряд не изменял основы языческого мировоззрения эвенков, а дополнял его новыми элементами [Тураев, 2012, 89–90]. Встречались случаи принципиального неприятия христианства. Приведём фрагмент отписки миссионера иеромонаха Антония, представленной в Баргузинскую Тунгусскую инородную управу 7 декабря 1871 г.: «Въ проездъ по улусамъ я нашель у Николая Берельтуева двухъ дочерей некрещёными, но жена его некрещёная противится крещенію детей, а такъ какъ отъ смешаннаго брака законъ приказываетъ крестить детей, въ сенодстве сего покорнейше прошу Инородную Управу, несмотря на жену, Николая Берельтуева дѣтей вытребовать к крещенію» [ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 5. Л. 66].

В целом же, за исключением степной зоны Забайкалья, христианизация у большинства групп кочующих эвенков носила формальный характер: «Христианство было воспринято лишь со стороны внешней обрядности, да и то крайне поверхностно» [Никульшин, 1939, 20]. Учитывая огромные маршруты ежегодных кочевий, которые зачастую охватывали сопредельные регионы, эвенки, в отличие от оседлых народов, сложно поддавались чёткому учёту. При встрече с миссионерами эвенки, в своём большинстве, предпочитали не противиться требованиям власти, но в действительности оставались приверженцами традиционного эвенкийского шаманизма. Эвенки признавали российское подданство, знали о преобладании в империи христианской веры, однако принять искренне новые мировоззренческие традиции в своей массе не желали: «по слуху государыню почитают и доходят, что есть Бог, а совершенно утвердиться не могут, но только шемановъ своихъ весьма уважаютъ и ихъ рѣчамъ вѣрятъ» [ААЯО, 1916, 294–295].

Неприятие новой веры эвенками было обусловлено, во-первых, кардинальной разностью двух мировоззренческих традиций, а также большим авторитетом шаманов в этнической среде. Этот авторитет не был основан лишь на самом статусе служителя культа – деятельность эвенкийских шаманов была органично интегрирована во все сферы жизнедеятельности рода. В обязательные функции шамана входило: добывание удачи в промысле, увеличение поголовья скота, лечение людей и животных, поддержка в войнах и мн. др. Например, для сильного шамана не составляет труда найти пропавшего человека, скот или предметы. И. Идес в описании тунгусских шаманов отмечает их способность в помощи при поиске украденной собственности или в предсказании будущего [Ides, 1706, 30]. Действительно, обычно камлания эвенкийских шаманов сопровождаются ответами на вопросы присутствующих, при этом их предсказания, как правило, сбываются. В условиях такой реальной функциональности шаманизма, авторитет шаманов был действительно чрезвычайно высоким.

Неприятие иной религии в среде эвенков ещё более усиливалось в результате агрессивных методов искоренения языческих традиций и преследования шаманов. Христианское духовенство пользовалось административной поддержкой в борьбе с шаманами, в которых видело ощутимую конкуренцию [Драверт, 1912, 5]. В этом противостоянии двух религий таёжные кочевники оставались на стороне своих духовных лидеров, что нашло отражение в фольклорных традициях: «попы запрещали шаманам шаманить. Они жгут их имущество, но бубен не горит, стали волосы резать – не режутся. Поп и илимпийский князь решили сжечь самого шамана. Волоса сгорели, но сам не горит... Такие легенды складывались вокруг преследований шаманов миссионерами, причём симпатии и сочувствие эвенков были всецело на стороне шаманов, которые рисовались в этих легендах героями, мучениками, могущественными шаманами, с которыми не в силах были справиться миссионеры» [Никульшин, 1939, 19–20].

Стоит отметить, что многие из посланных в Сибирь служителей культа Христа весьма высоко ценили вполне земные, материальные блага. Посланное с благой миссией духовенство предпочло, в первую очередь, расширить своё экономическое влияние: «Вслѣдъ за первыми завоевателями казаками и торговыми людьми правительство двинуло сюда новыхъ воителей – воителей духа – чёрное и бѣлое духовенство, задачу котораго, повидимому, являлось успокоеніе мятежнаго духа иновѣрцевъ проповѣдью страданія и непротивленія. Но духовенство, придя на новыя мѣста, съ первыхъ же шаговъ интересуется болѣе матеріальнымъ благосостояніемъ новой церкви... въ результатѣ чего уже въ началѣ 18 столѣтія его владѣнія заброшены далеко въ предѣлы современной Иркутской губерніи» [Стрелов, 1916, III].

Степень искренней преданности идеалам христианства многих священников иллюстрируется примерами из книг XIX в.: «многіе мѣстные священники до того дичають въ тайгѣ и погружаються въ своекорыстные интересы, что не только не заботятся объ уничтоженіи шаманскихъ предразсудковъ, а наоборотъ – извлекають изъ нихъ себѣ выгоду. У якутовъ, напр., существуетъ повѣрье, что покойникъ передъ погребеніемъ высказываетъ священнику (прежде шаману) какое-нибудь своё послѣднее желаніе. “Агабыть (священникъ)! Послушай, что покойникъ говоритъ”, –

просить якуть. Священникъ наклоняется къ покойнику и, продѣлавши сцену внимательнаго слушателя, торжественно сообщаетъ: “покойникъ желаетъ, чтобы родственники пожертвовали корову за искупленіе грѣховъ умершаго”. Этотъ примѣръ слишкомъ характеренъ, чтобы приводить ещё другіе и пестрить менѣе значительными фактами изъ жизни мѣстнаго духовенства» [Гамов, 1894, 29]. Подобный моральный обликъ служителей новой веры не способствовалъ росту доверія со стороны эвенков, и христианизация в их среде проходила с большим трудом. Спустя короткое время власти и духовенство стали понимать, что процесс распространения новой веры в среде тунгусов нередко носит формальный характер. В результате был принят указ, согласно которому инородцам запрещалось вносить платежи под нехристианскими именами, чтобы исключить случаи многократнаго крещенія в корыстных целях [ААЯО, 1916, 234–235].

Значительным барьером, препятствовавшим христианизации, были традиции социальной организации эвенков – законы рода, по одному из которых считалось, что предательство веры и переход под влияние церкви приравнивалось к изгнанию из рода, что само по себе являлось страшным наказанием для человека [Широкогоров, 2017, 332–333]. В преданиях жиганских эвенков повествуется о насильственной христианизации и о крещении предков как символическом акте утраты культурных традиций: «Прадед мой первым был в нашем роду крещён, плакали о нём, [ведь] насильно заставляли креститься!»¹ [Окладников, 1949, 89].

Отсутствие осязаемого результата по распространению веры Христа вынудило правительство предпринять экономические шаги – издаётся указ о льготах, согласно которому крестившиеся освобождаются от взноса ясака на несколько лет, выделяются средства на материальное поощрение инородцам, принявшим новую веру [ААЯО, 1916, 194–195]. Это приносит свои плоды, многие группы эвенков, как и другие народы Сибири, находясь в сложнейших экономических условиях и желая получить экономические льготы, принимают новую веру. Отсюда становится понятным преобладание русских имён и фамилий в эвенкийской среде – этому способствовали экономические условия и законодательные акты, исполнение которых достигалось административным воздействием и полицейским давлением [Инфантьев, 1911, 33].

Основной причиной формального статуса насаждаемой веры в эвенкийском обществе является её низкая функциональность в условиях таёжной жизни. Традиции христианства не сочетаются с бытом и мировоззрением кочевников тайги, в котором каждая местность, река, перевал имеют свою душу. Всю свою жизнь эвенки общаются с огнём, стихиями и духовными образами пантеона традиционного мировоззрения. Это противоречие наглядно иллюстрируется случаем, произошедшим в 1794 г. на Охотском побережье. Священник Карп Щапов через суд обвинил тунгусского князца Долганского рода Кирилла Шелудякова в «идолопоклонствѣ и богопротивныхъ поступкахъ». Оказалось, что Шелудяков был шаманом, но после принятия христианства с его семьёй случилась череда несчастий – от болезней умерли дети, одного из сыновей задрал медведь, пришла нужда. После произошедшего Шелудяков вернулся к практике шамана – совершил камлание, принёс жертву, о чём вскоре узнал местный священник. Прибыв на стойбище Шелудякова, священник обвинил его в идолопоклонничестве и сжёг бубен. Произошла ссора, в результате чего Шелудяков был привязан к дереву. Спустя какое-то время священник «великодушно» простил грешника, попутно вытребовав для себя дары – меха и двух забитых оленей. Охотской верхней расправой было постановлено: Щапова оштрафовать, а Шелудякова наказать поркой [ААЯО, 1916, 298–305].

Следует отметить, что среди служителей церкви, осуществлявших миссионерскую деятельность в Сибири, встречались и совершенно противоположные примеры. Некоторые миссионеры несли ценности православной веры с искренним стремлением и бескорытием. Так, отец Серафим, осуществлявший миссионерскую деятельность в Колымском округе Якутского края в конце XIX в., снискал большое уважение среди местных тунгусов своей честностью. Серафим был уникальным церковнослужителем – образованный, обладавший навыками медицинской помощи, он всеми силами пытался не столько обратить тунгусов в новую веру, сколько

защитить их от жадности и своеволия купцов, беззастенчиво обиравших и спаивавших инородцев. В отличие от других церковнослужителей, он никогда не брал платы за свою помощь, более того, тунгусам с большим трудом удавалось уговорить его принять какую-либо материальную благодарность [Клюге, 1899, 32–46]. В локальном фольклоре Прибайкалья сохранился цикл преданий о святом мученике Аввакуме – приверженце старой веры и просветителе, сосланном в Сибирь за свои твёрдые моральные принципы при правлении царя Алексея Михайловича. В текстах, собранных Л.Е. Элиасовым, опубликованных в сборнике «Байкальские легенды и предания», выражается большое уважение к священнослужителю со стороны простых крестьян, а также описываются его уникальные способности: «протопоп Аввакум шибко в старой вере толк знал. Он самый первейший молитвенник был. Он мог всяко заговорить: он и от зверя заговор знал, он и от молнии людей сохранял и все болести лечил. Вот ежели на тронутого он посмотрит и молитву прочитает, обязательно у того человека мозги просветлеют. Верно, мёртвых он не воскрешал, но живым жить помогал» [БЛП, 1984, 143].

Проникновение христианства в среду эвенков нашло отражение в традициях устного народного творчества эвенков разных групп. Это особенно сильно проявляется во вхождении христианских мотивов и образов в традиционные фольклорные сюжеты эвенков, прежде всего, мифы цикла творения [Варламов, 2009].

Буддизм в среде эвенков

Проникновение буддизма в среду тунгусов происходило с первых вв. н. э. в процессе этнокультурных контактов тунгусских групп в низовьях Амура. Например, в историческом предании, внесённом в описание истории чжурчжэньской династии Айсин Гурун (Цзинь), приводится текст легенды о братьях – предках южных тунгусов: «Предок поколения шен-ной-чжи назывался Сяньпу, ему было с лишком шестьдесят лет, когда он вышел из Кореи. Его старший брат Агунай был почитателем божества Фо; не желая выходить из Кореи, он говорил: “Наши дети и внуки от последующих колен непременно соединятся; но я теперь не пойду отсюда”. Агунай остался в Корее, а Сяньпу вышел оттуда со своим младшим братом Бохори» [ИЗИ, 1998, 88]. Приверженность старшего брата божеству Фо символизирует буддизм. Дальнейшее развитие буддизма в среде южных тунгусов связано с историей тунгусского государства Бохай. Исследователи считают, что буддизм являлся государственной религией в Бохае, на что указывают найденные археологами артефакты – при раскопках были обнаружены предметы искусства, связанные с буддизмом. Вместе с тем, значительная часть населения оставалась приверженцами древних языческих воззрений – шаманизма [Шавкунов, 1968, 101–102, 111].

Следующий этап распространения буддизма в среде тунгусов связан с ростом этногенетических контактов с монгольскими группами в Забайкалье в позднем средневековье. Переход от шаманской веры к буддизму сопровождал процесс ассимиляции некоторых эвенкийских родов монгольскими и бурятскими группами. Во второй половине XVIII в. число эвенков, принявших буддизм, было невелико [Паллас, 1788, 337], но уже с начала XIX в. это явление приняло значительные масштабы. Так, тунгусы, расселявшиеся в агинской степи, к началу XIX в. в своём большинстве приняли буддизм. По инициативе этой группы эвенков были возведены не менее трёх дацанов. Только один Гунэйский дацан, построенный при поддержке начальника тунгусских родов Гантимурова в 1802 г., объединял эвенков Гуновского рода (565 человек обоих полов) и Балакагирского рода (76 чел.). Общее же число прихожан тунгусов дацана в дни крупных хуралов достигало 800 человек [ГАРБ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 6. Л. 4]. Второй – Ольхонский – дацан был построен тунгусскими казаками в урочище Зугалуй. Этот дацан просуществовал до пожара в 1851 г. [ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 875]. Данных о числе прихожан-тунгусов в этом дацане в документах не отражено. Хужиртаевский дацан (третий), существовавший с 1828 г. по 1937 г., также имел значительное число приверженцев буддизма из числа тунгусов. По документальным сведениям, за 1890 г. состав прихожан Хужиртаевского дацана был представлен следующими тремя этническими группами: тунгусов – 296 мужчин и 305 женщин, казаков могойтуевской станицы – 46 мужчин и 50 женщин, бурят Агинского ведомства – 281 мужчина и 290 женщин [ГАРБ. Ф. 471. 2д. 1828–1937].

По неподтверждённым сведениям, число тунгусских (хамниганских) дацанов в Урульгинской степной думе было не менее 6 [ПИМА, 2019].

Схожая ситуация, характеризующаяся интенсивной ассимиляцией, под влиянием буддизма наблюдалась в среде тунгусов, расселённых на юго-западных территориях Прибайкалья вдоль границы с Монголией [Талько-Грынцевич, 1905, 76–77]. Эта достаточно крупная группа эвенков-буддистов уже в начале XX в. практически полностью утратила эвенкийский язык, приблизившись по этническому самосознанию к бурятскому этносу. Сведения исторических документов позволяют предполагать о выделении хамниган в отдельную группу и вхождение в состав бурятского этноса в сравнительно недавнем историческом времени – начиная с первой половины XVIII в. и до начала XX в. По сведениям Дионео, ламаизм проник в Забайкалье в 20-х гг. XVIII в. [Дионео, 1895, 280]. Со временем буддизм органично вошёл в мировоззрение части бурят и забайкальских эвенков, вытеснив традиции шаманизма. По сведениям исторических документов, в 40-х гг. XVIII в. подавляющее большинство бурят оставалось приверженцами шаманских воззрений, а буддизм только начинал распространение своего влияния – существовало всего 11 дацанов, в которых насчитывалось 150 служителей. Спустя чуть более 100 лет, в 1848 г., в Забайкалье насчитывалось уже 125 тыс. буддистов и 4546 служителей новой веры [ХПВДИС, 1883, 241]. Влияние буддизма способствовало ассимиляции многих эвенкийских родов Забайкалья, которые с течением времени пополнили генофонд бурятского и монгольского этносов.

Деградация религиозных традиций эвенков в XX в.

К началу XX в. распространение христианства и буддизма не смогли изменить отношение большей части эвенков к своей традиционной религии. Для подтверждения этого тезиса приведём данные документальных источников о распространении шаманизма в эвенкийской среде в конце XIX – начале XX вв. Некоторые исследователи, полагаясь на документальные свидетельства о приверженности эвенков к той или иной вере, полагают, что зафиксированная в исторических документах информация может отражать действительную картину, однако это вовсе не так. Рассмотрим далее на примерах. В «Ведомости о численности тунгусов в Баунтовской Инородной управе» за 1906 г. есть сведения о трёх родах, согласно которым общая численность эвенков составляла 699 человек, при этом православными числились 692 человека, а язычниками 7 человек [ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9]. Исходя из этих сведений, можно составить мнение о тотальном преобладании православия, однако если посмотреть на «Семейные списки» этих же родов за 1897 г., окажется, что соотношение общего числа эвенков и шаманов не позволяет сомневаться в устойчивости шаманских традиций у этой группы эвенков в начале XX в. При общей численности в 831 человек число практикующих шаманов в трёх родах составляло 42 человека. Более всего шаманов было в 1-м Чильчагирском роде – 18 человек. Соотношение шаманов-мужчин (24) и удаганок-женщин (18) свидетельствует о сохранности традиций тунгусского шаманизма, в котором роль женщины всегда оставалась высокой [ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9]. Р.К. Маак в 80-х гг. XIX в. отмечал широкое распространение шаманизма в среде виллойских эвенков, которые к тому времени были поголовно крещены [Маак, 1887, 118].

Наиболее значительные трансформации социальных традиций эвенков произошли в XX в. В 30-х гг. XX в. тезисы о шаманах как классовых идеологических врагах советского общества воплотились в неотъемлемую часть всеобщей пропагандистской работы. Эвенкийские мировоззренческие традиции подверглись репрессивной политике воинствующего атеизма. В зависимости от усердия исполнителей шаманы объявлялись врагами народа, либо «несознательными, ненадёжными элементами», с которыми следовало вести непримиримую и целенаправленную борьбу. Во всех уголках тайги шаманов арестовывали и отправляли в тюрьмы или психиатрические лечебницы. Результат суда над шаманами зависел от отношения местного коммунистического и комсомольского актива: кого-то ограничивали в правах, но большинство шаманов получали большие сроки заключения.

В Красноярском крае, Амурской области и Забайкалье репрессии в отношении шаманов оказались тотальными и жестокими. Подавляющее большинство таких обвинений основывалось на «политической 58-й» статье, если точнее, её пунк-

тах 58–10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...» и 58–11 «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе контрреволюционных преступлений...». В открытых источниках о жертвах репрессий нам удалось найти документы о двадцати пяти репрессированных эвенкийских шаманах и одиннадцати служителях буддистской веры из числа эвенков [Варламов, Варламова, 2021]. Сведения открытых источников не отражают масштаб трагедии – это касается и преследования шаманов, и общего числа репрессированных эвенков. В подготовленной нами рукописи «Кочевья прерванный полёт. Репрессированные тунгусы» опубликован список имён 680 эвенков и 100 эвенов, осуждённых по политическим статьям начиная с конца 20-х гг. XX в.

В эвенкийские школы были направлены издания, в которых шаманы представлялись злейшими врагами, которым была объявлена непримиримая борьба. Например, в 1940 г. известным специалистом по эвенкийскому шаманизму А.Ф. Анисимовым было издано учебное пособие «Против шаманства. Сборник рассказов для детей эвенков», в котором эвенкийские шаманы были представлены пособниками баев², убеждёнными противниками школьного обучения и медицины [Анисимов, 1940]. На долгие годы тунгусский шаманизм был объявлен проявлением враждебной идеологии, подлежащей искоренению. По воспоминаниям шаманки Матрёны Петровны Кульбертиновой³, в послевоенное время ей приходилось постоянно скрывать свой шаманский дар, «прятаться» в тайге [Варламова, Решетникова, 1996, 122]. До конца 80-х гг. XX в. эвенкийский шаманизм жил в глубоком подполье – камлания совершались только в тайге, в узком кругу кровного родства.

В эвенкийской среде существует мнение, что исчезновение шаманизма является не только следствием идеологического преследования государства, но и результатом коллективного решения эвенкийских шаманов, принятого незадолго до начала репрессий в отношении духовенства в начале 30-х гг. XX в. По преданию, записанному нами от эвенкийского нимнгалана⁴ Валентина Гаврильевича Исакова, уроженца Эжанского наслега Усть-Майского района Якутии, в 1931 г. эвенкийские шаманы всех сибирских земель устроили одновременно последнее известное коллективное камлание (на расстоянии, методом астральной связи), во время которого обсуждали наступление предстоящей катастрофы, связанной с утратой многих эвенкийских традиций. Вероятно, они были бессильны что-либо изменить, поэтому многие из шаманов решили поступить так, чтобы не навредить своим кровным потомкам – они наложили запрет на передачу шаманских традиций внутри своего рода [ПМА, 2020]. К концу XX в. эвенкийский шаманизм как культурное и социальное явление практически исчез.

Этническое мировоззрение в эпоху глобализации

В настоящее время шаманизм у эвенков сохраняется в чрезвычайно незначительной степени. Вместе с тем, сведения, полученные нами от эвенкийских шаманов, практикующих в начале XXI в., свидетельствуют о возвращении шаманских традиций в среду эвенков в ближайшем будущем. Так, по мнению известного эвенкийского шамана Савея⁵ в ближайшие десятилетия число практикующих шаманов несколько увеличится, при этом наибольшее развитие получит женская традиция [ПМА, 2005]. Наблюдение за ситуацией в последние годы позволяет предполагать, что эвенкийский шаманизм постепенно возвращается в этническую среду. Этот процесс осложнён утратой традиций преемственности служителей древнего языческого культа, поэтому современным кандидатам в шаманы приходится проходить сложный путь становления самостоятельно, что оказывается под силу далеко не всем.

Современное состояние мировоззренческих и религиозных традиций эвенков можно охарактеризовать как переходное. Многие современные эвенки придерживаются атеистических взглядов, некоторые являются приверженцами христианской веры и буддизма. Часть молодого поколения существует в состоянии идеологического вакуума. Вместе с тем, весьма распространённым является общественное мнение о необходимости возвращения к жизни исторических эвенкийских традиций, связанных с языческим мировоззрением. По этой причине многие восстановленные обрядовые традиции оказываются востребованными современным поколе-

нием эвенков. По нашему мнению, развитие традиций эвенкийского мировоззрения напрямую связано с содержанием общественного мнения о духовной взаимосвязи «человек – природа».

В этой связи, перспектива мировоззренческих традиций эвенков во многом зависит от глобального сдвига общественного сознания человечества в сторону развития экологического сознания. В соответствии с теорией В.И. Вернадского, биосфера в XXI в. постепенно трансформируется в ноосферу – специфическое состояние общественного сознания, которое на основе приобретённых знаний и уровня морально-нравственных норм будет способно оптимально регулировать взаимоотношение человека и природы: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [Вернадский, 1988, 27]. Признаки взаимодействия созидательной мысли человечества с окружающим миром, предсказанного В.И. Вернадским, наиболее отчётливо проявляются лишь в настоящее время – эпоху развитого антропоцена и глобального экологического кризиса. По большому счёту, у человека разумного нет иного пути, чтобы продолжить свою эволюцию, кроме построения созидательной модели экологического развития. Согласно математическим исследованиям ведущих учёных, наибольшую угрозу для человечества представляют «риски загрязнения», недостаток внимания к которым влечёт масштабную катастрофу, способную привести к резкому уменьшению населения планеты [Форрестер, 2003, 170–172].

У этносов, мировоззренческие традиции и этнографический комплекс которых на протяжении истории основывались на гармоничном взаимодействии человека и окружающего мира – природного ландшафта, существуют объективные предпосылки для развития исторических религиозных традиций в ближайшем будущем. Не исключено, что в XXI в. развитие духовных традиций эвенков будет происходить на основе трансформации языческих (шаманских) воззрений, которые будут адаптироваться к совершенно новым условиям. В целом же, весьма перспективным видится построение духовных традиций общества на основе исторического мировоззрения миноритарных этносов, связанных с тем или иным типом ландшафта исторической судьбой. Л.Н. Гумилёв правомерно назвал ландшафт эталоном географической систематики, обозначая неотъемлемым условием исторического развития этноса его способность приспособления культурных традиций к естественным природным условиям окружающего мира [Гумилёв, 1966, 246]. Способность современного общества избавиться от тупиковой идеологической модели мировоззрения «человек – царь природы» является залогом будущего для всего человечества.

Заключение

Таким образом, история взаимодействия шаманизма, христианства и буддизма в среде эвенков, длившаяся более 250 лет, не привела к исчезновению языческих традиций, которые в начале XX в. у большинства эвенкийских групп оставались преобладающими. Репрессивная политика искоренения шаманизма и последовавшие трансформации общественного сознания в эпоху СССР повлекли деградацию устойчивых мировоззренческих традиций эвенков. Эпоха глобализации, с одной стороны, усилила эту негативную тенденцию, с другой – обозначила возможные формы восстановления и развития духовных языческих традиций в перспективе. Не исключено, что духовные традиции миноритарных этносов будут востребованы как в этнической среде, так и достаточно широко за её пределами.

Список сокращений

ААЯО – Акты архивов Якутской области

БЛП – Байкальские легенды и предания

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия

ИЗИ – История Золотой империи

ПМА – Полевые материалы автора

ХПВДИС – Хронологический перечень важнейших данных из истории Си-

бири

Библиографический список

1. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.) / Е.Д. Стрелов. – Якутск: Изд-во. Якут. Обл. Учён. Архив. Комис., 1916. – Т. 1. – [VI], 308 с.
2. Анисимов, А.Ф. Самасэлвэ хуски = Против шаманства / А.Ф. Анисимов. – Л.: Госучпедгиз, 1949. – 160 с.; ил.
3. Байкальские легенды и предания / Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1984. – 256 с.
4. Бантыш–Каменский, Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год / Н.Н. Бантыш-Каменский. – Казань: Типография Императорского университета, 1882. – [XII], 565 с.
5. Варламов, А.Н. Христианские мотивы в мировоззрении и фольклоре эвенков / А.Н. Варламов // Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 74–78.
6. Варламов, А.Н. Кочевья прерванный полёт. Репрессированные тунгусы / А.Н. Варламов, Ю.А. Варламова. – Якутск: Северовед, 2021. – 225 с.
7. Варламова, Г.И. Эвенкийская шаманка М.П. Кульбертинова / Г.И. Варламова, А.П. Решетникова // Язык – миф, культура народов Сибири: Сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во Якутского гос-го ун-та, 1996. – С. 117–123.
8. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
9. Гамов, И.И. Очерки далёкой Сибири / И.И. Гамов. – Гомель: Типография Ш.А. Фридланда, 1894. – 117 с.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Лл. 21–26.
11. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 9.
12. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
13. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 875.
14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.
15. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 5. Л. 66.
16. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 420. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
17. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 471. 2Д. 1828–1937.
18. Гумилёв, Л.Н. Археологические исследования П.К. Козлова в аспекте исторической географии / Л.Н. Гумилёв, С.И. Руденко // Известия Всесоюзного географического общества. – 1966. – Т. 98. – Вып. 3. – С. 240–246.
19. Дионео, И.В. На крайнем северо-востоке / И.В. Дионео. – СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1895. – 201 с.
20. Драверт, П.Л. Материалы к этнографии и географии Якутской области = Les matériaux sur ethnographie et géographie de gouvernement de Yakoutsk / П.Л. Драверт. – Казань: Типография Императорского Ун-та, 1912. – 50 с.
21. Инфантьев, П.В. В амурской тайге: Рассказ из жизни тунгусов / П.В. Инфантьев. – СПб.: Издание П.В. Луковникова, 1911. – 36 с.
22. Клюге, А.К. Из жизни угасающего племени [тунгусов]: (в защиту инородцев) / А.К. Клюге. – Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1899. – 96 с.
23. Маак, Р.К. Описание Вилюйского округа. Ч. III / Р. Маак. – СПб.: Типография и Хромо-литография А. Траншеля, 1887. – 192 с.
24. Никульшин, Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков / Н.П. Никульшин. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 140 с.
25. Окладников, А.П. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены / А.П. Окладников // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XI. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 73–109.
26. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства Петра Симона Палласа, медицины доктора, натуральной истории профессора, Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук и Вольного Экономического общества, Римской Императорской Академии, Королевского Аглинского собрания и Берлинского естествоиспытательного общества члена. Ч. 3, кн. 1: 1772 и 1773 годов / П.С. Паллас, В. Зуев. – СПб.: Императорская академия наук, 1788. – [XVI], 624 с.
27. Патканов, С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Вып. 2 / С.К. Патканов. – СПб.: Типография Сибирского акционерного общества «Слово», 1906. – 283 с.
28. Розов, Г.М. История Золотой империи / Г.М. Розов, А.Г. Малявкин. – Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 288 с.
29. Стрелов, Е.Д. Предисловие // Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.). Т. 1. – Якутск: Изд-во. Якут. Обл. Учён. Архив. Комис., 1916. – С. I–VI.

30. Талько-Грынцевичь, Ю.Д. Къ антропологии тунгусовъ. Иройскіе хамнеганы. Антрополого-этнологическій очеркъ / Ю.Д. Талько-Грынцевичь. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1905. – 146 с.
31. Тураев, В.А. Русская православная церковь и коренные малочисленные народы Дальнего Востока (XVII–XIX вв.) / В.А. Тураев // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 4. – С. 85–93.
32. Форрестер, Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. – М.: АСТ, 2003. – 384 с.
33. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032– 1882 гг. / И.В. Щеглов. – Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. – 779 с.
34. Шавкунов, Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье / Э.В. Шавкунов. – Ленинград: Наука, 1968. – 164 с.
35. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С.М. Широкогоров. – М.: Наука – Вост. Лит., 2017. – 710 с.
36. Ides, E. Isbrant. Three Years Travels from Moscow Over-land to China: thro Great Ustiga, Siriania, Permia, Siberia, Daour, Great Tartary, &c. to Peking / I. Ides. – London: Printed in Dutch by the Direction of Burgomaster Witzen, 1706. – 210 с.

Текст поступил в редакцию 10.11.2020.

Принят к публикации 12.04.2021.

Опубликован 29.06.2021.

¹ Записано А.П. Окладниковым в 1943 г. от Ивана Фёдорова, 73 лет, эвенка Хатылинского наслега, р. Бугачан.

² Термин «бай» не соотносится ни с социальными традициями эвенков, ни с лексикой эвенкийского языка. Содержание этого учебного пособия кардинально противопоставляется научным трудам А.Ф. Анисимова. Вероятно, автору пришлось выполнить идеологический заказ.

³ Кульбертинова (Сынгалаева) Матрёна Петровна – одна из сильнейших эвенкийских шаманок второй половины XX в. В научных кругах М.П. Кульбертинова известна благодаря публикациям Г.И. Варламовой, Н.Н. Николаевой, а также документальному фильму, снятому А.Х. Слапиньшем и Е.С. Новик в 1980 г.

⁴ Нимнгакалан – сказитель, исполнитель эвенкийского эпоса.

⁵ Савей (Васильев Семён Степанович) – наиболее известный эвенкийский шаман XXI в. Проживал в тайге, вблизи с. Иенгра Нерюнгринского района Якутии.

References

1. *Akty arhivov Yakutskoj oblasti (s 1650 g. do 1800 g.)* [Acts of the archives of the Yakutsk region (from 1650 to 1800)]. Edit. E.D. Strelov. Yakutsk, Izd-vo. Yakut. Obl. Uchen. Arhiv. Komis., 1916, 308 p. (in Russian).
2. Anisimov A.F. *Samaselve huski = Protiv shamanstva* [Samaselve huski = Against shamanism]. Edit. G.M. Vasilevich. Leningrad, Gosuchpedgiz, 1949, 160 p. (in Russian).
3. Eliasov L.E. *Bajkal'skie legendy i predaniya* [Baikal legends and traditions]. Ulan-Ude, Buryatskoe kn. izd-vo, 1984, 256 p. (in Russian).
4. Bantysh-Kamensky N.N. *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossijskim i Kitajskim gosudarstvami s 1619 po 1792-j god* [Diplomatic meeting of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1882, 565 p. (in Russian).
5. Varlamov A.N. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2009, no. 1, pp. 74–78 (in Russian).
6. Varlamov A.N., Varlamova J.A. *Kochev'ya prervannyj polet. Repressirovannye tungusy* [Wandering interrupted flight. Repressed Tungus]. Yakutsk, Severoved, 2021, 225 p. (in Russian).
7. Varlamova G.I., Reshetnikova A.P. *Yazyk – mif, kul'tura narodov Sibiri: Sb. nauch. tr.* [Language – myth, culture of the peoples of Siberia: Collection of scientific papers]. Yakutsk, 1996, pp. 117–123 (in Russian).
8. Vernadskiy V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow, Nauka, 1988, 520 p. (in Russian).
9. Gamov I.I. *Ocherki dalekoj Sibiri* [Essays of distant Siberia]. Gomel, Tipografiya Sh.A. Fridlanda, 1984, 117 p. (in Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Zabaikal'skogo kraja* [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. Fund 55. Inventory 1. File 37. Fols. 21–26 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 9. Inventory 1. File 9 (in Russian).

12. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 9. Inventory 1. File 21. Fol. 9 (in Russian).
13. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 129. Inventory 1. File 875 (in Russian).
14. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 320. Inventory 1. File 5. Fol. 59 (in Russian).
15. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 320. Inventory 1. File 5. Fol. 66 (in Russian).
16. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 420. Inventory 1. File 6. Fol. 4 (in Russian).
17. *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatija* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 471. Inventory 2D. 1828–1937 (in Russian).
18. Gumilev L.N., Rudenko S.I. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [News of the All-Union Geographical Society]. St. Petersburg, 1966, vol. 98, iss. 3, pp. 240–246 (in Russian).
19. Dioneo I.V. *Na krajnem severo-vostoke* [In the Farth Northeast]. St. Petersburg: Izd-vo L.F. Panteleeva, 1895, 201 p. (in Russian).
20. Dravert P.L. *Materialy k etnografii i geografii Yakutskoj oblasti* [Materials for ethnography and geography of the Yakutsk region]. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo Un-ta, 1912, 50 p. (in Russian).
21. Infantiev P. *V amurskoj tajge: Rasskaz iz zhizni tungusov* [In the Amur taiga: A story from the life of the Tungus]. St. Petersburg, Izdanie P.V. Lukovnikova, 1911, 36 p. (in Russian).
22. Klyuge A.K. *Iz zhizni ugasayushchego plemeni [tungusov]: (v zashchitu inorodcev)* [From the life of a dying tribe [Tungus]: (in defense of foreigners)]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 1899, 96 p. (in Russian).
23. Maak R.K. *Opisanie Vilyujskogo okruga* [Description of the Vilyui District]. St. Petersburg: Tipografiya i Hromolitografiya A. Transhelya, Vol. 3, 1887, 192 p. (in Russian).
24. Nikulshin N.P. *Pervobytnye proizvodstvennye ob"edineniya i socialisticheskoe stroitel'stvo u evenkov* [Primitive production associations and socialist construction among the Evenki]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1939, 140 p. (in Russian).
25. Okladnikov A.P. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. 11, 1949, pp. 73–109 (in Russian).
26. Pallas P.S., Zuev V. *Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva Petra Simona Pallasa, mediciny doktora, natural'noj istorii professora, Sankt-Peterburgskoj Imperatorskoj Akademii Nauk i Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva, Rimskoj Imperatorskoj Akademii, Korolevskogo Aglinskogo sobraniya i Berlinskogo estestvoispyatel'nogo obshchestva chlena* [Travel to different provinces of the Russian state by Peter Simon Pallas, doctor of medicine, professor of natural history, St. Petersburg Imperial Academy of Sciences and Free Economic Society, Roman Imperial Academy, Royal Aglinsky Assembly and Berlin Natural Science Society member]. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk, Vol. 3. B. 1: 1772, 1773, 1788, 624 p. (in Russian).
27. Patkanov S.K. *Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naseleniya 1897 g. i drugih istochnikov* [The experience of geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on data from the 1897 census and other sources]. St. Petersburg: Tipografiya Sibirskogo akcionernogo obshchestva "Slovo", vol. 1, iss. 2, 1906, 283 p. (in Russian).
28. Rozov G.M., Malyavkin A.G. *Istoriya Zolotoj imperii* [History of the Golden Empire]. Novosibirsk: Izd-vo in-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998, 288 p. (in Russian).
29. Strelov E.D. [Introduction]. *Akty arhivov Yakutskoj oblasti (s 1650 g. do 1800 g.)* [Acts of the archives of the Yakutsk region (from 1650 to 1800)]. Yakutsk: Izd-vo Yakut. Obl. Uchen. Arhiv. Komis., 1916, vol. 1, pp. 1–6 (in Russian).
30. Talko-Gryntsevich Yu.D. *K antropologii tungusov. Irojskie hamnegany. Antropologo-etnologicheskij ocherk* [To the anthropology of Tungus. Iroysk hamnegans. Anthropological – ethnological essay]. St. Petersburg: Tipo-Litografiya "Gerold", 1905, 146 p. (in Russian).
31. Turaev V.A. *Vestnik DVÖ RAN* [Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences]. Vladivostok, 2012, no. 4, pp. 85–93 (in Russian).
32. Forrester J. *Mirovaya dinamika* [The world dynamics]. Moscow: AST, 2003, 384 p. (in Russian).
33. *Hronologicheskij perechen' vazhnejshih dannyh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882]. Edit. I.V. Scheglov. Irkutsk: Izdanie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1883, 779 p. (in Russian).
34. Shavkunov E.V. *Gosudarstvo Bohaj i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e* [Bohai state and monuments of its culture in Primorye]. Leningrad: Nauka, 1968, 164 p. (in Russian).
35. Shirokogorov S.M. *Social'naya organizaciya severnyh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etih grupp)* [Social organization of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups)]. Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2017, 710 p. (in Russian).
36. Ides, E. Isbrant. *Three Years Travels from Moscow Over-land to China: thro Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking.* London: Printed in Dutch by the Direction of Burgomaster Witzen, 1706, 210 p. (in English).

Submitted for publication: November 10, 2020.

Accepted for publication: April 4, 2021.

Published: June 29, 2021.